

Сев. восток - 1989 - 1 номер - С. 5

Бернес и Андреев

19.

Мы близко дружили с Марком Бернесом, что называется, **домами**, и, как бывает в таких случаях, постепенно узнавали дружков и приятелей друг друга.

В середине пятидесятых мы были в гостях у него на Октябрьские праздники, именно седьмого. Мы — это я, Е. Винокуров, Б. Андреев — все с женами и еще одна пара — старинные друзья Марка, не имеющие отношения к искусству. Или, как замечательно говорят в таких случаях актеры: **из публики**.

Марк тогда вдовел. Наташке было года четыре. Она очень долго, трогательно-серьезно сидела со взрослыми. Бернес в ней души не чаял.

В тот вечер я впервые столь близко увидел Бориса Андреева. Он был, как в кино, большой, басовитый, привыкший к направленному на него всеобщему обожанию. Но и не только это. Он был оратор. Разогревшись, он начал говорить — о земной справедливости, о смысле жизни, о душе человеческой.

Это были настоящие монологи. Он говорил самозабвенно, с напором, без всяких затруднений, будто это была выученная роль. И постепенно

вы проникались его порывом, верили в подлинность чувств.

Другие тоже успевали перекинуться словом, но больше слушали его.

Позвонили в дверь. Появилась Алла Ларионова и Николай Рыбников с грудным младенцем на руках, а с ними еще молодая пара, их родственники. Объяснили, что шли мимо и решили поздравить, развлечь Бернеса. Теперь они были чуть-чуть смущены. Марк растерялся, не понимая, куда их сажать.

Наконец кое-как устроились, и тут выяснилось, что не хватает водки. Андреев поднялся: — Я схожу. — И обратился к Винокурову: — Женя, пойдешь?.. Тот с готовностью согласился.

Винокуров потом рассказал: магазин был через дорогу. Тогда магазины работали допоздна даже в праздники. У входа стояла толпа.

Андреев стал протискиваться и крикнул: — Здорово, ребята! — люди с неудовольствием оборачивались и вдруг все узнали его и наперебой

зашумели: — Здравствуйте! С праздничком!..

— Без очереди пустите меня? — спросил Андреев.

— Ура! — закричала очередь.

Он через головы протянул деньги сияющей продавщице и таким же способом брал и передавал Винокурову бутылки.

Многое из с Марком связывало: их дуэты в «Истребителях», в «Двух бойцах». Мое поколение их не забудет.

И «Большая жизнь» связала, особенно вторая серия.

Стало известно, что картина не понравилась, и съемочная группа, замерев, ждала меры наказания. Последствия вскоре стали известны — постановление ЦК. А перед этим вызвали, не всех, всего несколько человек во главе с режиссером Луковым. Андреев был в их числе. Бернеса не позвали.

Они условились, что Борис позвонит и расскажет обо всем. Марк ждал в нетерпении.

Но раздался дверной звонок Андреев вошел мрачнее тучи. Наметанный бернесов-

ский глаз определил, что Боря по дороге где-то слегка притормаживал, чтобы снять напряжение.

Он рассказал о том, как хмуρο их встретили, как они стоя ждали в небольшом зале или в приемной, и тут из колонны вышел Сталин.

Бернес не поверил: — Как из колонны?

— Из колонны!

Впоследствии, передавая мне их разговор, Марк объяснил: Борис хотел этим сказать, что Сталин появился неожиданно, и они испугались.

— И что же было? — спросил Бернес.

Андреев долго смотрел на него и наконец произнес веское и убежденно: — Марик, он плохой человек!

— Боря, перестань! — в ужасе вскричал Бернес.

Но тот медленно повторил: — Ма-рик, он очень плохой человек!..

На дворе был сорок восьмой год.

Историю эту я услышал значительно позднее и с тех пор по-особому стал смотреть на Андреева.